

родным свадебным песням, используя их в традиционном или подновленном виде.

Фольклорное искусство народа органично входит в современную духовную культуру, является ее высоким достоянием.

Изучение культуры рабочего региона весьма значительно для современности и будущего. Уровень культуры рабочего класса является ведущим, основным показателем культурных достижений общества. Уральский университет приступил по заданию Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР к реализации комплексной программы «Духовная культура Урала».

В. П. КРУГЛЯШОВА,
доктор филологических наук, профессор

В. В. БЛАЖЕС
Уральский университет

Рабочие предания родины П. П. Бажова

Фольклористы Уральского университета начали обследование бывшего Сысертского горного округа — родины П. П. Бажова — в 40-е годы. С тех пор туда периодически направляются фольклорные экспедиции, последняя работала в январе — феврале 1981 года в городах Сысерть, Полевской, поселках Мраморское, Косой Брод, Полдневая. Собран разножанровый материал, который существенно дополняет коллекцию фольклорных записей, сделанных раньше. Собирая устное народное творчество на родине П. П. Бажова, мы преследуем две цели: во-первых, изучение истории, всеобразия и современного состояния фольклора крупного рабочего региона, во-вторых, получение материала, крайне необходимого для исследования фольклоризма творчества П. П. Бажова.

В экспедиционной работе на родине П. П. Бажова мы прежде всего стремились учесть собирательский опыт самого писателя. Этот опыт не может быть переоценен. Специальное изучение позволяет говорить о его уникальности.

В 30—40-е годы П. П. Бажов собирал фольклор для написания сказов и записывал далеко не все, что мог бы на его месте записать фольклорист. Писатель не делал паспортизации, поскольку она ему была не нужна, но о ее значении знал и публично говорил.

П. П. Бажов ощущал неразрывное единство прошлого и настоящего трудового народа и видел иногда недостаточное, а иногда искаженное освещение горнозаводского Урала в письменных источниках, в исторических сочинениях XVIII — начала XX века. Поэтому он ратовал за собирание рабочего фольклора, в частности преданий. «Сбор преданий даст не менее важный материал, чем история горнозаводского Урала по письменным документам. Здесь своя точка зрения на каждый факт, противоположная тому, что дано в писаной истории. Автор, который записывал, был представителем правящей части, и он по-своему оценивал события, а рабочие по-своему оценивали, но не имели возможности отразить в письменном виде. И наша задача эту сторону поднять», — призывал он¹. Собирая рабочие предания, писатель поднимал огромный неизученный пласт народной культуры.

Собирательская деятельность П. П. Бажова показывает, что надо записывать из рабочего фольклора в первую очередь. Он не возражал, чтобы фольклористы фиксировали все, что поется и рассказывается в рабочей среде, даже непристойные песни, сказки², однако сам записывал главным образом предания, рассказы-воспоминания, слухи и толки о прошлом, дошедшие в виде реплик, кратких образных суждений (П. П. Бажов называл их «завязью сюжета»), а также афористические речения, индивидуальные, семейно-родовые и коллективные прозвища, которые часто несут в себе первичную обобщенность и образность. Специфика уральского фольклора, считал П. П. Бажов, в полной мере выражена в повсеместно бытующих произведениях несказочной прозы, где главная тема — это тема труда.

Собирательская деятельность П. П. Бажова показывает, как собирать рабочий фольклор, с кем разговаривать, о чем, какие затрагивать темы и т. д. В отличие от профессиональных фольклористов 30—40-х годов П. П. Бажов прежде всего обращал внимание на семью, потому что знал: в старой рабочей среде семья была хранильницей трудового, производственного опыта, социально-общественных знаний, морально-эстетических ценностей, бытовых навыков. В больших рабочих семьях главой был, как правило, старик — знаток семейно-родовой истории и блюститель традиций, поэтому П. П. Бажов стремился поговорить с ним и о его жизни (с обязательным освещением его производственной работы), и о его семье, династии («породе») или собрать таких стариков для общей беседы. Можно сказать, что, во-пер-

¹ Стенограмма выступления П. П. Бажова на конференции в Нижнем Тагиле 18 сент. 1943 г.— В сб.: *Бажов П. П.* Сб. статей и воспоминаний, Пермь, 1955, с. 202.

² «Фольклористы избегают срамных песен, сказок. И напрасно. Рабочий сказ живет под этой оболочкой. И это легко отбросить... если отбросить эту оболочку, останется суть классово направленная». — В сб.: *Бажов П. П.* Сб. статей и воспоминаний, с. 194.

вых, П. П. Бажова-собирателя интересовала линия: семья — династия — «институт заводских стариков», как бы включающий в себя всех стариков — хранителей традиций; во-вторых, выяснение трудового пути конкретного человека было у П. П. Бажова непременно сопряжено с выявлением особенностей труда на том заводе, где работал собеседник, и с обобщением относительно всей отрасли в целом, т. е.: профессиональная деятельность одного человека — работа одного предприятия — отрасль производства горнозаводского Урала. Наконец, в-третьих, от личности рассказчика П. П. Бажов переключал внимание на поселок, где он живет (обычаи, нравы, природные условия, побочные занятия населения и т. п.), а затем через сходство и различие поселков обрисовывался регион, горный округ, и обобщение распространялось на весь горнозаводской Урал как территориальную, общественно-экономическую и культурную целостность. Иными словами: поселок (по-уральски «завод») — регион (например, горный округ) — горнозаводский Урал.

Не всегда удавалось в полной мере применить бажовскую методику, так как она требует достаточно высокой подготовки, которой не было у некоторых участников экспедиции. Но в целом нам помог опыт собирательской работы П. П. Бажова.

Данная публикация знакомит с частью записей, преимущественно народной устной прозой, бытующей в настоящее время на родине П. П. Бажова.

Азовка и Азов-гора

Про Азовку и Азов-гору знают жители всех поселков, где работала экспедиция, но рассказывают не всегда охотно. «Слышал, есть такая гора, но не у нас, а в Полевой, там спрашивайте», — подобные ответы часто приходилось слышать в Мраморском, Сысерти, даже в Косом Броду, хотя и в этих селениях можно записать предания об Азовке. «Я на Азов-горе не бывал, но слышал, что там девка Азовка жила. Татары, которые нападали на Полевско, захватили девушку и увели на гору Азов, посадили в нее навеки. Азовка то ли блазила, то ли что, не буду добавлять, ни сбавлять. Гору эту сейчас поминают»³.

Про Азовку записано более двадцати преданий, и все они существенно разнятся. Чаще других в преданиях встречаются следующие мотивы: на Азов-горе есть пещеры со спрятанными сокровищами; эти богатства принадлежат татарам, башкирам, старым людям, Пугачеву; Азовка — заколдованная красивая девушка или проклятая татарская царевна; ее оставили или заставили сторожить сокровища; она постоянно стонет; люди на-

³ Записано в пос. Косом Броду от Н. В. Зюзева, 1904 г. рожд. Во всех неоговоренных случаях записи сделаны автором статьи совместно со студентками Т. Галаниной и Н. Константиновой.

бредали случайно на пещеру, но ничего не могли достать; дух, живущий в пещере, отпугивает людей. В наших записях не встречается, к сожалению, мотив, отмеченный П. П. Бажовым: девка Азовка печки затопила⁴. Приведем некоторые предания:

На Азов-горе сколько люди ходили, всегда слышали: стонотом стоит. Говорили, что там живет какая-то царица проклянутая. В пещере живет. До нее дойдут, она выйдет. У нее имя какое-то. Если ее имя и имя человека, который пещеру найдет, сойдутся, то стона не станет: с нее сойдет проклятье, и она выйдет⁵.

Девка Азовка на горе Азов пряталась от заводчика. Он, старик, к ней посватался, вот она и сбежала. Ушла в гору. Там и жила. Выходила когда, казалось кому. Страх наводила на тех, кто хотел посягнуть на нее⁶.

Боялись ходить в те места, на Азов-гору. Девка Азовка пугала людей, завораживала. Человек запутает, заблудит. Поганое место, туда раньше ходили очень редко. Мимо ездить даже боялись, старались проскочить это место⁷.

От квартирной хозяйки слыхала, когда приехала сюда в тридцать девятом году, что она видела вход в пещеру на Азов-горе. Ходили они с подругами в лес за ягодами. Отбежала что-то от них, глядит — пещера. Побоялась одна-то идти туда, побежала за девчонками, а место заприметила. Прибежали, а пещеры уж и нет. Девка Азовка спрятала⁸.

Девка Азовка печки затопила? Тут другое. Во время крепостного права людей много бежало, вот они собирались в лесах на Азов-горе и на Думной. А через увал между ними часто купцы с товаром ездили. Если на Азове купцов заметят, костры зажигают, а на Думной горе дым увидят и купцов уже встречают⁹.

Но есть люди, которые не верят рассказам об Азовке, считают подобные рассказы выдумкой. Как выразился В. Я. Комаров: «Про Полоза и девку Азовку — сказки сочиненные». Или говорят, что Азовка просто казалась, «бланилась»: «А что девка Азовка? Просто старики верили каждому случаю. Народ раньше думал: где девка Азовка появится, там и золото. Нача-

⁴ См.: *Скорина Л.* Павел Петрович Бажов. М., 1947, с. 61—62.

⁵ Записано в пос. Мраморском от. Е. А. Пальцевой, 1895 г. рожд.

⁶ Записано А. Ереминой, Т. Минаевой в г. Полевской от Е. В. Рябухиной, 1903 г. рожд.

⁷ Записано И. Волошиной, Т. Фоминой в г. Полевской от Е. Г. Галугиной, 1901 г. рожд.

⁸ Записано С. Ереминой, Т. Минаевой в г. Полевской от Е. Л. Орефьевой, 1929 г. рожд.

⁹ Записано И. Волошиной, Т. Фоминой в г. Полевской от З. П. Вакуровой, 1903 г. рожд.

ми видели будто наяву. Может, ее и не было, а так, мстилось кому-то...»¹⁰.

Хозяйка Медной горы

Малахитница — самый колоритный фантастический образ местного фольклора, в других регионах Урала он не встречается. П. П. Бажов, слышавший сказы о Хозяйке в конце XIX века из уст В. А. Хмелинина, воспринял этот образ как амбивалентный. Он писал, что в этом образе сосуществуют, составляя его сущность, «границы мрачного и веселого»¹¹.

Если судить о Хозяйке по бажовским сказам, то можно характеризовать ее как владелицу земных богатств, хранительницу тайн прекрасного и секретов высокого мастерства. Малахитница может быть игриво-веселой, она ищет жениха, но счастье для нее невозможно, как невозможна безбедная жизнь для рабочего человека, вступившего в контакт с ней. Она может быть неотразимо красивой девушкой, но и старухой или уродливым существом, «поганью» с телом ящерицы и головой человека. Если в сказах П. П. Бажова этот образ достаточно сложен, то в записях или пересказах собирателей он скорее однозначен¹².

Мы не встречали людей, которые не слышали бы про Хозяйку, но знали они ее по бажовским сказам и на них ссылались: «Читайте Бажова, у него хорошо написано». В то же время есть рассказчики, которые знают о Малахитнице из устного источника. Они отмечают ее принадлежность Полевскому, она — Хозяйка одной Медной горы, т. е. Гумешевского медного рудника, открытого в 1702 году С. Бабиным и К. Сулевым.

Записанные предания о Хозяйке кратки, фрагментарны. «В Полевском Медная гора, там была Хозяйка. Распоряжалась. Трясут и сейчас: Хозяйка, Хозяйка. Старики раньше про нее знали, слышал. Но ведь услышишь, меж уши пустишь, сказать не знаешь как. Медной руды в Полевском много было. Она с Медной горы пересекла то место, где сейчас завод — криолит. Говорили: вся медь — Хозяйкина»¹³.

Некоторые рассказчики фиксируют доброту Хозяйки по отношению к порядочному человеку: «Если человек добрый, то она ему добро делала: богатства давала, а если человек злой, то и она ему зло делала...»¹⁴. П. П. Бажов писал, что в части полевских преданий отождествляется Хозяйка и девка Азовка. То же

¹⁰ Записано М. Мацаровой, О. Орленко в пос. Косом Броду от Е. В. Зюзева, 1909 г. рожд.

¹¹ Бажов П. П. Публицистика. Письма. Дневники. Свердловск, 1957, с. 166.

¹² См. напр.: Малахов В. К. Новеллы о камне. — Урал. следопыт, 1959, № 8, с. 64.

¹³ Записано в пос. Косом Броду от Н. В. Зюзева, 1904 г. рожд.

¹⁴ Записано И. Волошиной, Т. Фоминой в г. Полевской от Г. Е. Калугиной, 1901 г. рожд.

самое наблюдается и сегодня: «Девка Азовка и Хозяйка Медной горы — одно и то же. Где золота много, там в Азов-горе девка Азовка блазнится. А за золотом она не пускает. Пещера там была, так она ее закрыла. А блазнится там и огонь. Ящерки там выходят»¹⁵.

Поскакуха и Поскакушка

«Поскакуха у нас речка есть. Там необычное золото: местами есть, местами нет. Вот есть золото, жила вроде, а рядом шурф бьют — нет его. Перепрыгнут дальше, бьют шурф — снова золото. Вот и «прыгают», «скачут» шурфами, поэтому и речку Поскакухой назвали. Отсюда и Бажов свою Поскакушку взял»¹⁶. Более любопытным представляется рассказ 77-летнего Н. В. Зюзева. По просьбе собирателей он добросовестно вспоминал и рассказывал предания и очень удивился, когда его спросили про Поскакушку. Затем, подумав, сказал: «На завалинке слышал про Поскакушку. Девка какая или кто, сказать не могут. Она скачет и золото показывает. Это говорили про нее. Холостой еще когда был, идешь откуда-нибудь, старики сидят на завалинке, сядешь, прислушаешься. Они судят: кто про хлеб, кто про войну, кто про золото — интересно. И Поскакушку вспоминали. Была такая»¹⁷.

Местные силачи

О силачах рассказывают во всех районах Урала, да и вообще русскому фольклору свойствен идеал сноровистого, сильного, но и рассудительного, справедливого человека. В преданиях и рассказах-воспоминаниях такой идеал получает конкретное воплощение. П. П. Бажов говорил, что среди рабочих прокатных цехов и горняков был раньше настоящий «культ силы подмастерья или могучего забойщика» и этот культ «поднимал мастера на сказочную, легендарную высоту». Нынешние старики вспоминают фамилии сильных людей, рассказывают различные случаи: «Самый сильный у нас был Поселянинов Иван Васильевич. Мастером работал, медь плавил. А тогда у всех чугунные печки были, тридцать пудов весили. Иван Васильевич одну печку брал на спор и в телегу клал. За это ему четвертинку ставили»¹⁸. Рассказывают о Шептаеве Василии Матвеевиче, который спокойно перебрасывал двухпудовую гирию через вы-

¹⁵ Записано И. Волошиной, Т. Фоминой в г. Полевской от А. П. Федоровой, 1893 г. рожд.

¹⁶ Записано Г. Автономовой, А. Звягиным, В. Миролиевым в пос. Полднеева от Г. А. Узких, 1930 г. рожд.

¹⁷ Записано в пос. Косом Броду от Н. В. Зюзева, 1904 г. рожд.

¹⁸ Записано И. Волошиной, Т. Фоминой в г. Полевской от А. П. Бажова, 1903 г. рожд.

сокий заводской забор. Если лошадь не могла вытащить из грязи воз, В. М. Шептаев ее распрягал и сам вывозил воз, даже если на нем был груз пудов сорок¹⁹. «Был Паша Заря. Сила у него страшная. На спор с купцом Вяткиным он два мешка муки из Полевского в Северский унес под мышками, нигде не отдыхая. А расстояние от Полевского до Северского семь верст да еще с гаком: дорога ведь была не прямая, как сейчас, а вилась между оврагов»²⁰.

Рассказчики отмечают покладистость натуры сильных людей, их незлобливость, любовь к шутке — в этом видятся существенные национальные черты русского человека. «Раньше народ шутливый был и здоровый. Вот у меня был дядя Ваня. Если жена много ругается, он ее руку захватит, как будто здорова-ется, легонько сожмет, она: «Ой, Ваня, больше ругаться не буду». А бить не бил, этого не было. А еще бык был, все время бодался. Так дядя Ваня захватит одной рукой рог и перекрутит набок голову. Он и лошадь поднимал. Или мешок муки одной рукой поднимет и — на плечи»²¹.

Трудовые династии

Старые рабочие живо интересуются историей заселения края, развития производства, при этом связывают историю своей династии с историей поселка. По рассказам стариков видно, что они знакомы с письменными источниками, прислушиваются к народной молве и соотносят их. Так, М. И. Петровский рассказывал о своей трудовой династии с точным указанием на источники информации: «Слыхал от старых людей, что фамилия Петровский польская, с такой фамилией много людей в Мраморском. Мой отец, дед, прадед — все здешние. Я — Михаил Иванович, отец — Иван Михайлович, дед — Михаил Трофимович, прадед — Трофим Тимофеевич, а как Тимофея величали, не слыхал от людей. Все на мраморе работали. Я, бывало, мальцом прижмусь и слушаю стариков, обязательно все надо выслушать. Узнал, что пять поколений наших. Здесь перед войной был Шунайлов Алексей Александрович, он достал старую книгу, где написано, как организовались Мрамор, Горный Щит, Курганово, Раскуиха. А от материнного отца слыхал — он умер в 1919 году — он говорил: «Мрамор — населенный уголок Москвы». Выходит, мы из столицы. Отовсюду присылали на Урал специалистов мрамор добывать. Тут опять учительница Лидия Николаевна Комарова смотрела архивы в Свердловске и гово-

¹⁹ Записано Е. Анашкиной, С. Бурмасовой в пос. Полдневая от Ф. И. Черепанова, 1907 г. рожд.

²⁰ Из рукописи П. К. Юшкова, хранящейся в музее г. Полевской.

²¹ Записано в пос. Мраморское от Е. А. Пальцевой, 1895 г. рожд.

рит, что посланы сюда люди из Петергофа, а материн отец: «Мрамор — уголок Москвы», почему-то так говорил»²².

Те же пять поколений своей родословной называет М. П. Щукин, и он тоже считает своих предков москвичами: «Слышал от матери, что Щукины сосланы из Москвы. Вот Петровские. На поляков похоже. Фамилии говорят, что многие не местные. Мы уже пятое поколение. Отец мой — Павел Петрович, дед — Петр Семенович, прадед — Семен Тимофеевич, а отчество Тимофея не помню. До деда все занимались малахитом. Будто мастерство старики в секрете держали, умерли с тайной. А дед, отец — уже на мраморе...»²³.

Мраморщики и гранильщики

Современные рассказчики довольно четко представляют прошлое своих поселков, характер занятий населения. Например, вполне конкретен и исторически точен рассказ Д. А. Зюзева: «Раньше на Мраморе камень тесали да золото мыли. А в Косом Броду? Ну, собственность была, хозяйство. Работали кто где. Припасывали в Северский завод дрова. Торфяник резали, он в шести километрах от поселка, в завод на топливо торф возили. Руду добывали в разрезе, рядом с Косым Бродом разрез большой, метров двести. Из него брали железную руду, возили в Северский завод, там домны стояли. Еще с Северского возили в Сысерть болванку, там катали кровельное железо. Некоторые старались»²⁴.

Пожилые люди помнят рассказы своих родителей о работе мраморщиков в прошлом веке. Правда, в таких повествованиях встречаются явные неточности, но показательна живучесть самих рассказов. «Здесь на Мраморе раньше была обязательная. При крепостном праве каждый должен был проработать двадцать пять лет. Человек делал все через контору, обрабатывал мрамор двенадцать часов в сутки. А дома делать памятник нельзя, хотя их хорошо покупали. Крадче делали. Где в подполье с контилкой сделает и продаст — от бабушки слышал, мне девять лет было, когда она умерла»²⁵. Этот же рассказчик дал довольно полную характеристику мрамора, который раньше использовали мастера: «Мрамор был местный и привозной, больше привозной. Красный мрамор из Тагила, фоминский желтый мрамор Арамильского района — он уже истек. Привозной еще был из Уфалея, тот голубой. Прохоро-баландинский Челябинской области и из Коелды — белые мрамора. Здесь, когда еще высылали людей, на месте теперешней улицы Пушкина

²² Записано в пос. Мраморское от М. И. Петровского, 1909 г. рожд.

²³ Записано Т. Васюковой, Н. Константиновой в пос. Мраморское от М. П. Щукина, 1924 г. рожд.

²⁴ Записано в пос. Косом Броду от Д. А. Зюзева, 1905 г. рожд.

²⁵ Записано в пос. Мраморское от М. И. Петровского, 1909 г. рожд.

был карьер, добывали темный мрамор с белым, очень красивый: курицы есть рябые, точно такой. В этом карьере брали-брали, потом до ключевины дошли и за ночь накачали там воды. Бросили карьер. В восточной части поселка есть серый мрамор, он не так красивый. Основная наша залежь — серый, белый мрамора, это в нескольких километрах от поселка»²⁶.

Приведем рассказы тех, кто непосредственно обрабатывал мрамор. «Мрамор резали, шурали. Ступени, плиты, памятники, цоколя, фонари делали. Мужики тесали камень, а женщины рзали и шурали. Хозяин наймовал рабочих, двух-трех человек: двое режут, двое шурают в малухе. Я двенадцати годов работать пошла. У Петра Богатого робила. Когда в Ирбите ярмарка, то в ночь работали, мизюкалка с керосином горела, бывало и с лучиной, свечкой, если керосина нет. Мне сначала платили двадцать копеек на руки, потом набавили»²⁷. «Я три года у хозяина в работниках был, колесо крутил. Режешь мрамор, печоры подсыпаешь. Чтоб она мелкая была, толчешь и сеешь, водой подливаешь, а то резки загорят. При мне шар на тысячу пудов делали из мрамора, этот шар около сорока лошадей на бревнах везли. Раньше делали фигуры на божественные темы. Сначала из серпентина сделают небольшую, посмотрят, а потом глыбу искали. Еще мастера памятники делали. Один сам себе памятник из мрамора сделал и слова на нем написал:

Птички божи, резвитесь,
Пейте воду дождеву,
Я, Евлампий, на том свете
Новой жизнью заживу.

И ямку выдолбил посредине, чтобы птицы воду пили. И сам гроб себе сделал, на чердаке держал»²⁸.

Иногда в рассказах старых рабочих звучит мотив секрета, тайны мастерства: «Старики все в секрете держали, даже шлифовку мрамора. Кто как шлифовал: кто с воском, кто с чем. Мастер делал хорошо свои вещи и никому не говорил, чтобы на них был спрос»²⁹.

Память о местных гранильщиках жива; иногда показывают их изделия, иногда рассказывают: «У нас из серпентина делали всякие приборы; еще был мягкий камень, из него тоже всякое делали, вон у меня пепельница, фигурка медведки. Сын сделал

²⁶ Подробнее см.: *Павловский Б. В.* Камнерезное искусство Урала. Свердловск, 1953, с. 110, 114—117.

²⁷ Записано в пос. Мраморское от Е. А. Пальцевой, 1895 г. рожд.

²⁸ Записано Т. Васюковой, Н. Константиновой в пос. Мраморское от В. И. Кузнецова, 1908 г. рожд.

²⁹ Записано Т. Васюковой, Н. Константиновой в пос. Мраморское от М. П. Щукина, 1924 г. рожд.

Кремль»³⁰. «Отец занимался по гранильной части, был гранильщиком: приборы письменные, пепельницы, брошки, все по мелочи делали, что заказывали. Коммерсанты приходили на дом, собирали все, увозили. Агафуров, Нуров, Второв — им сдавали. У каждого раньше своя мастерская была, робили токарным способом. Токарное колесо большое, один крутит, другой точит. Отец больше из змеевика делал, это его любимый камень: зеленватый, темный, а в тонком виде просвечивает, как стекло. Брали змеевик на Мастерской горе на Чусовой»³¹.

Старатели

Раньше рядом с Мраморским были поселок старателей, присек; сейчас поселки слились, добыча золота давно прекратилась, но о старательской работе люди помнят и охотно рассказывают, иногда, правда, совмещая реальное и вымышленное: «Здесь тайга была, народ ссыльный: где-то нагрезили, их сюда отправили. Золото мыли. Ссыльные жили в казарме, их солдаты охраняли. А кругом были землянушки. Давно это было. Пруд сейчас у нас, он золотом вымыт: раньше там шахты, шурфы были. Из ключиков вода набежала, шахты спрудило, а в них шибко много золота осталось...»³². «На прииске барон был, предприниматель, держал рабочих и ссыльные жили. У барона лошадь погибла возле Косого Брода, он ей памятник поставил, сейчас есть. Это до крепостного права он существовал здесь. Дом у него был подходящий на прииске. Как звали его, не знаю. «Где работаешь?» — «У барона». И все»³³.

Вполне конкретны рассказы тех старателей, которые добывали золото в 20—30-е годы: «Золота богато у нас не было. Бывало выкопаешь шурф пять — семь, до двенадцати метров глубиной, а золота нет, пусто. Зря робил: за то, что копал, не платили. Золото шло мелкое, как манница. Правда, одна золотина попала мужикам, говорят, на тринадцать килограмм, а так крупинки попадали на один грамм, полтора, иногда два, а чтобы пять граммов, я не видел. Грамм намоешь — мало, ведь втроем робили: один копал, один на лошади возит, третий — промывальщик. Я пятнадцать годов выробил на золоте, хорошего не бывало, само богато — три грамма в день»³⁴. Бывшие старатели утверждают, что на добычу золота люди шли не от хорошей жизни — сказывался избыток рабочей силы в целом по Сысертскому горному округу. «В Косом Броду старатели были здеш-

³⁰ Записано С. Буравлевой, Т. Васюковой в пос. Мраморское от С. А. Темляковой, 1907 г. рожд.

³¹ Записано в пос. Мраморское от В. Л. Комарова, 1904 г. рожд.

³² Записано С. Буравлевой, Т. Васюковой в пос. Мраморское от С. А. Темляковой, 1907 г. рожд.

³³ Записано в пос. Мраморское от М. И. Петровского, 1909 г. рожд.

³⁴ Записано в пос. Косом Броду от Д. А. Зюева, 1905 г. рожд.

ние и со стороны — из Курганово, мраморские. Жизнь заставляла золото мыть, не от добра шли на это. Золото мелкое, бывало, человек долбит-долбит, а пусто или мало, не оправдывает. Вот и получалось: или голосом выть, или золото мыть... Если хорошее место, казна забирала, а казна отработает, и наш брат на этом месте шарится. Казна была в Северском, туда сдавали. Казну и Северский завод содержал немец, барон какой-то. Так и говорили: «барон Усатик». Мне не вспомнить его имя.

По отработкам все время мыли. Бывало, старик какой укажет: «Вот в молодости здесь-то мыл, да земля стала давить, садиться, пришлось бросить». Ты придешь на это место и по кромочкам еще помоешь»³⁵. «...Один раз мы на Рябиновке хорошо золота намыли: таракашки встречались. Намоешь и весело, пойдешь в скупку, купишь чего. С возу грамм, когда и больше, как угадаешь, на какое место. Мужики землю щупом щупали. Такой прут железный, потолще пальца. Тычут и чувствуется, где камни, а где песок: нет камней, он хорошо идет. На Елани шахта была, артелью там работали, после них мы ходили и мыли отходы. Один раз я гляжу, что-то сосверкало. Штучка такая попалась, золотинка на восемнадцать грамм. Сдала ее, нам муки дали, туфли себе купила да на платье. Потом мы с сестрой Лизой мыли, попала золотина с полпальца. Мы ее пополам распилили и утаили от своих мужиков. Хотели сберечь. Я на божницу положила. А потом золота не стало, пришлось сдать. Сестра-то еще быстрее меня съела. Мы по-хорошему не живали и хорошего не видали. Сколько земли переверотишь, а золота нет»³⁶.

Старателям золото давалось нелегко, но определенная уверенность в результате все-таки была: «Раньше говорили: земля в долгу не останется, все равно золото намоешь»³⁷. Старики также считают, что золото в разных местах до сих пор сохранилось. «На Красногорке раньше ничего не было, потом золото богато нашли, полоска песков на шестьдесят метров ширины с золотом. Не все вырбили, вода не дала: она с ключа взялась, когда до пятнадцати метров глыбы дошли. Сколь могли, взяли. По Чусовой и сейчас золото есть. Русло-то перемыло, а на старом русле, где сейчас покосы, есть золото. Десять возов промоешь — один грамм намоешь. На хлеб только зарабливать»³⁸.

Приметы на золото. Полоз

Предания о Полозе продолжают бытовать, но действия Полоза относятся только к прошлому: «Раньше было, сам видел:

³⁵ Записано в пос. Косом Броду от Н. В. Зюева, 1904 г. рожд.

³⁶ Записано Т. Галаниной, М. Мацаровой в пос. Косом Броду от К. Ф. Пальцевой, 1904 г. рожд.

³⁷ Записано Г. Гришкиной, Т. Туранской в пос. Полдневая от А. В. Приваловой, 1905 г. рожд.

³⁸ Записано в пос. Мраморское от В. Я. Комарова, 1904 г. рожд.

пожелтела трава. Это змей Полоз прополз. Его мало видели, а боялись его, потому как он хвостом сбивал людей»³⁹. «Шли мы однажды по лесу. Смотрим, бревно лежит. Полоз это был. Говорили раньше: где он шел, там трава сгорала. Он очень ядовитый, большой»⁴⁰. Мотив «Полоз прополз — трава пожелтела» неоднократно встречается в преданиях, записанных в Полднейой, и его нет в преданиях других населенных пунктов.

Иногда рассказчики связывают Полоза с Полевским: «Про Полоза слыхал, но где он ползал, не скажу. Большой змей, он где-то в Полевском оказывался. Больше там. И здесь иногда услышишь, но не знаю, учуешь мельком: Полоз, Полоз. Старики если и знали что, так умели язык держать, но про Полоза и золото говорили...»⁴¹.

О приметях на золото рассказывают почти однотипно: «Где Полоз пройдет, золото ищут. Змея такая, толстая. Отец говорил: «Видал Полозов след, трава вся смятая»⁴². «Слышала я, что золотоискатели примечали: где много змей, значит, там золото есть. Примета у них такая. Эти змейки были маленькие, называли их змейками-медянками»⁴³. «Старики приметы знали. Я слыхал насчет змей, но не примечал. Говорили, куча целая змей ползет, перетрутся они все — тут и золото. Люди видели змей кучами, боялись их: изжалить могут. Убегали, но место запомнили»⁴⁴. «Возле Мрамора золото всякое было: мелкое и самородками. Говорили, где блазнит, там должно быть золото. Или где змеи соберутся, там тоже может быть золото. Говорили это, но точно, я не знаю. Я вам скажу, потом меня вспомните: как клады казались раньше, так и будут казаться скоро»⁴⁵. «Старики говорили: «Где золото, там змеи...» Змеи здесь — мидянки, ящерицы, а про Полоза не слыхала, у нас тут нет этого»⁴⁶. «Мама говорила: «Если во сне видишь, что пенек весь горит, значит, здесь золото»⁴⁷.

Стоит подчеркнуть, что некоторые старики категорически отвергают народные предания о змеях, Полозе. Большой жизненный опыт, здравый смысл заставляют их скептически насмеш-

³⁹ Записано Е. Анашкиной, С. Бурмасовой в пос. Полднейая от Г. А. Пас-тухова, 1895 г. рожд.

⁴⁰ Записано А. Звягиным, В. Миролиевым в пос. Полднейая от А. Ф. Николаевой, 1914 г. рожд.

⁴¹ Записано в пос. Косом Броду от Н. В. Зюзева, 1904 г. рожд.

⁴² Записано И. Волошиной, Т. Фоминой в г. Полевской от З. В. Вакуровой, 1903 г. рожд.

⁴³ Записано И. Волошиной в г. Полевской от Е. Г. Калугиной, 1901 г. рожд.

⁴⁴ Записано в пос. Косом Броду от Н. В. Зюзева, 1904 г. рожд.

⁴⁵ Записано С. Буравлевой в пос. Мраморское от С. А. Темляковой, 1907 г. рожд.

⁴⁶ Записано Т. Галаниной, М. Мацаровой в пос. Косом Броду от К. Ф. Пальцевой, 1904 г. рожд.

⁴⁷ Записано С. Ереминой, Т. Минаевой в г. Полевской от П. Юрьева, 1965 г. рожд.

ливо комментировать даже вопросы собирателей о народных приметах на золото. «Золото показывают змеи — это легенда, и я сам в этом убедился. Змеи всегда собираются на осень, они заползают на каменную гору и там застывают, а весной, когда солнце, они оживают, шкуру сбрасывают. Кто ратал в каменоломне в зимнее время, отворачивает глыбу, а там змеи клубком... Будто бы был Полоз. Я понял, что не было никакого Полоза. Болтали, будто бы Полоз десяти метров, проползет, останется след, как машина прошла»⁴⁸.

Интересное поверье, связанное со змеей, зафиксировано в пос. Полдневая: раньше « жало змеи выдергивали и прикрепляли к подошве на счастье»; «говорили, что змеиное жало сорок грехов снимает. А еще жало змеиное вырывали, себе в руку врезали и сразу ударом сшибить человека можно»; имея при себе змеиное жало, можно было постоянно выигрывать в карты⁴⁹.

Народные прозвища

В бывшем Сысертском горном округе, как и в других регионах Урала, существовал обычай давать прозвища, о чем есть свидетельства, относящиеся к концу XIX — началу XX века⁵⁰. П. П. Бажов, воссоздавая в сказах жизнь дореволюционных рабочих, перенес из быта заводчан традицию прозвищ. Он также заметил, что фамилии и прозвища жителей Сысерти, Полевского несут, кроме эмоционально-образительного начала, информацию о месте, из которого люди были привезены на Урал, о производстве, на котором раньше пришлось им трудиться и т. п. В очерке «У старого рудника» П. П. Бажов фиксирует коллективные прозвища рабочих Сысертского горного округа: жженопятики (фабричные рабочие), кроты и пескомой (горнорабочие и старатели), лесовики (углежог), несчастный подряд (возчики)⁵¹.

В быту, в фольклорных и литературных произведениях прозвища выполняют, во-первых, функцию номинации, во-вторых, функцию идентификации, в-третьих, функцию характерологического средства. Поэтому участники фольклорной экспедиции фиксировали все прозвища и произведения, в которых они встречаются.

⁴⁸ Записано в пос. Мраморское от М. И. Петровского, 1909 г. рожд.

⁴⁹ Записано Е. Анашкиной, С. Бурмасовой в пос. Полдневая от С. Ф. Попова, 1902 г. рожд.; Н. А. Прокопьева, 1902 г. рожд.; П. Я. Пастухова, 1897 г. рожд.

⁵⁰ См.: Ярков В. П. Народные слова и прозвища, записанные в Сысертском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии. — Живая старина, 1899, вып. 4, с. 529—530; *Он же*. Народные прозвища, записанные в Сысертском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии. — Живая старина, 1902, вып. 1, с. 127—128.

⁵¹ См.: Бажов П. П. Соч. в 3-х т. М., 1976, т. 2, с. 302—303.

В настоящее время бытуют индивидуальные прозвища типа: Барин, Лягушка, Бандура, Короб, Матка и др. Причем многие прозвища, бывшие когда-то индивидуальными, стали коллективными, поскольку перешли от прадеда, деда к сыновьям, внукам, правнукам. «Прозвища все имели и сейчас они есть. Куда им деться? Нас всех зовут Сметана. Почему, не скажу, не знаю. Наших отцов так звали и нам перешло. Есть прозвища Тихня, Сака-боко, Контя-царь. Вот есть Мажориха, у нее косой глаз, может из-за него так зовут. А Анисью Степановну, старушку, зовут почему-то Отрепанный хлыстик»⁵². Некоторые информанты знают происхождение своих «родовых» прозвищ и спокойно рассказывают об этом. «Раньше все с прозвищами ходили. У нашей породы — Зима, Зимины породы. А как получилось? Дедушкин дом у реки, люди едут, он выйдет посмотреть, а борода у него большая, белая. Все: «Борода-то белая, как зима»⁵³. Еще пример. «Прозвища все имели, нас, Зюзовых, прозвали Козлами по дедушке. Говорили, когда он взял вторую жену, так хвастал: «Я еще молодой, могу скакать через высокие заплоты, как козел». Его Козлом прозвали, и нам перешло. А Пономарев Петр еще мальчиком был, пришел в школу, а у него рубашка старая и заплатка прямо на груди. Он всем: «У меня иконка, боженька есть», и показывает на заплатку. Его прозвали Богом. До сих пор всех из его породы Богами зовут. А Степана Егоровича Макушева Монахом прозвали: он шапку высокую прозвону носил. Все Монахами стали»⁵⁴. Такие коллективные прозвища могли иметь 3—5 поколений трудовой династии и больше⁵⁵.

Рост промышленного потенциала городов и поселков и вместе с тем изменение социального, национального состава населения существенно повлияли на бытование некоторых типов коллективных прозвищ. Например, не бытует отмеченное П. П. Бажовым прозвище жителей Полевского чесноковики, исчезли старинные прозвища старателей, углежогов, возчиков вместе с исчезновением этих профессий. Только по просьбе собиравших пожилые люди вспоминали бытовавшие когда-то коллективные прозвища: «Раньше за глаза не называли по отчеству или фамилии, а прозвищем — Карась например. И населенному пункту было прозвище: присковские — голодаи, мраморские — гроботесы. Бывает, рассоришься с присковскими: «У, голодаи», а они нам: «У, гроботесы». Девки про это и песни слаживали. Кособродские — водохлебы, кургановские — кашееды, как раскуишенских и полевских звали, забыл. Сосед у меня кургановский. Придешь к нему, он частенько кашу ест, а мне

⁵² Записано в пос. Мраморское от С. А. Темляковой, 1907 г. рожд.

⁵³ Записано в пос. Косом Броду от Д. А. Зюзева, 1905 г. рожд.

⁵⁴ Записано в пос. Косом Броду от Н. В. Зюзева, 1904 г. рожд.

⁵⁵ В. Ярков пишет, что прозвище Удавленник было у семи поколений. См.: Ярков В. П. Народные прозвища, записанные в Сысертском заводе..., с. 127.

ее даром не надо»⁵⁶. «Раньше мраморские парни бегали за приисковскими девками, а своих не любили, они грязноподолые были. Носили юбки длинные, по грязи шоркали. Ну, это я шучу, что они грязноподолые. Раньше молодежь шутила:

Мраморские — гроботесы,
Приисковские — голодаи,
Три кобылы заглодали,
Кособродские — жабы,
Раскуишенские — овыденные»⁵⁷.

В Косом Броду рассказывают несколько иначе: «В шутку прозвища давали. Кособродские — лягуши. Все нас лягушами звали: возле Чусовой живем, полно лягуш. Полевские — кумки: у тех все кумы, всех кумами звали. Северские — голодаи, три кобылы обглодали, по четверту пошли, одну голову наши»⁵⁸. Иногда нам исполняли старинные частушки, в которых обыгрывались коллективные прозвища, например, в Мраморском помнят частушку о бедности жителей прииска:

У приисковских-то ребят	Ох, приисковские ребята,
Сопли до колен висят,	В гости бы пришли бы,
Пятки грязны, прелые,	Мы уху бы вам сварили
Штаны мешошны, белые.	Из протухшей рыбы ⁵⁹ .

Подземные ходы

В Косом Броду и Мраморском преданий о подземных ходах, по-видимому, нет, по крайней мере, не удалось их записать. В рукописи П. К. Юшкова, хранящейся в краеведческом музее г. Полевской, есть упоминание о них со ссылкой на устный источник: «Мне дедушка много рассказывал, что от горы Барановки был подземный ход до Гумешек. В нем будто прятались рабочие люди от нападения башкир, которые часто нападали на Гумешки и разоряли все сооружения». Мотив подземного хода в полдневских записях встречается лишь однажды: «Здесь были подземные ходы. Полдневая была пограничный пункт, крепость в то время, когда еще были башкиры. Мой дом — исторический, ул. Свердлова, 25: он срублен при башкирах, когда был Емельян. Слышал, что из поповского дома, там сейчас больница, в

⁵⁶ Записано в пос. Мраморское от М. И. Петровского, 1909 г. рожд.

⁵⁷ Записано в пос. Мраморское от Е. А. Пальцевой, 1895 г. рожд.

⁵⁸ Записано в пос. Косом Броду от К. М. Зюевой, 1912 г. рожд.

⁵⁹ Записано Т. Васюковой в пос. Мраморское от А. Н. Храбрых, 1909 г. рожд.

церковь, там сейчас магазин, ход ведет. И там под полом пустота была, ее завалили»⁶⁰.

Чаще всего эта тема освещается в сысертских преданиях: «О подземных ходах слышала. Есть подземный ход от дома Соломирского до алтаря церкви, в которую Соломирский ходил молиться. В детстве я была там. Воздух спертый и лучина гаснет. Водила нас Евгения Ивановна Бессонова. Комсомольцы после революции нашли этот ход. Там ниши выкопаны...»⁶¹. «Слышал, что есть подземные ходы, но сам не видел. Говорят, шли от церкви до берега, где жил заводчик Турчанинов. Но говорят, эти разговоры не подтвердились»⁶². «Впервые о подземном ходе услышал от своей бабушки, когда мне было 8—9 лет. После пугачевского восстания хозяева и управители решили обезопасить себя на будущие времена и построить подземные ходы. Их было несколько. Один от дома Турчанинова, второй из конторы и третий из дома главного управителя. Все шли от церкви и выходили где-то в алтарь. Строили подземные ходы тайно, чтобы народ не знал. Строили английский инженер и каторжане»⁶³.

Топонимические предания

Погружаясь в историю своего завода, ремесла, вспоминая своих пращуров, соотнося прошлое и настоящее, старики почти всегда сетуют на быстротекущее время, на ограниченность человеческих знаний. Очень точно сказал об этом 77-летний В. Я. Комаров: «Мало веку дается. Жил бы человек лет двести, так накопил бы знаний, а то только немного выучится и веку конец». Примерно также говорили многие пожилые люди, когда собиратели просили их вспомнить, как или почему называется то или иное место, с какими историческими событиями оно связано,

В целом записано несколько десятков преданий, объясняющих происхождение или смысл названий. Большая часть из них — это топонимические предания, основанные на ложной этимологии: Думная гора — там имярек, чаще всего Пугачев, думу думал. «Про Думную гору от мамы слышала. Там народ сидел, думал, как отбиться от татар. Они — народ воинственный, войска много. Когда битва началась, появился Николай Чудотворец, и наше войско отбило татар. Думная гора вся в камнях — это все народ был, который превратился в камни. Каждый по от-

⁶⁰ Записано Г. Гришкиной, Т. Туранской в пос. Полдневная от Г. Г. Горбунова, 1912 г. рожд.

⁶¹ Записано А. Ивановой, И. Брусницыной в г. Сысерти от Т. И. Зайцевой, 1902 г. рожд.

⁶² Записано А. Ивановой, И. Брусницыной в г. Сысерти от В. И. Сидорова, 1912 г. рожд.

⁶³ Записано А. Ивановой, И. Брусницыной в г. Сысерти от Ф. Ф. Васильева, 1906 г. рожд.

дельности стоит, кто в каком виде. Я на Думной была, сама видела: вся гора в камнях»⁶⁴.

Многие названия связаны с именами местных жителей, кто-то из них имел покос или старался (мыл золото), поэтому возникли такие названия, как Гришкина гора, Никольский воз, Мухорина гора, Булатова гора, Черепанов ключ, Исакова горка, речка Емелевка...

Иногда в топонимических преданиях, кроме объяснения названия, содержатся сведения по истории населенного пункта. Например, про Косой Брод рассказывают: «Раньше моста через Чусовую не было, только брод, а он не прямо — наискосок. Косой получался, так и поселок назвали: Косой Брод. Сначала казна ставила дома и селили ссыльных, так деда моего поселили. Дед — ссыльный, ну он не один был, их много привезли сюда, они как караульщики. Первые были привезены Зюезы, их много в Косом Броду, может, больше половины раньше было: все зюезщина и зюезщина. Еще Пономаревы, Волковы, Баталовы. Макушевых мало было. Так и жили раньше: один порядок — Зюезы, другой — Пономаревы... Сейчас перемешались. В Косом Броду несколько частей: Гора, Елань, Заречка, Школьная, — это если по-старому считать»⁶⁵.

Приведем еще несколько характерных топонимических преданий. «Марков камень — там скрывался Марк с женой, это я слышала, говорили. Жили там. Женщина родила ребенка. Потом ушли. Там как башня, камнем все выложено»⁶⁶. «Гора Кирпичики — там глина, пригодная для кирпича, и кирпич там одно время делали. Гора Крестовка — от стариков слышал, как будто бы из Полевского крестовый поход шел, поп с иконами, люди и останавливались на этой горе. Синюшкин колодец — его на Мраморе не должно быть, только по книге Бажова можно узнать. Есть тут ключ, но при моей памяти его не называли Синюшкиным колодцем, а сейчас дети называют. Срубик там есть. И воду сам пивал. Думная гора — это в Полевском. Какой-то вояка с войском зашел на гору, думал, размышлял, как Наполеон. Поэтому так и называется»⁶⁷. «Синюшкин колодец я узнать не могу, то ли это за карьером, то ли на покосе у меня. И там и там есть ключ подходящий. За карьером у ключа барак когда-то стоял, когда лесозаготовки были. Следили за ключом, воду брали. Вода хорошая. Два метра воды и дно видно в хорошую погоду»⁶⁸. «Раньше была болотина кругом, непроезжая дорога. И было там одно сухое место. Не всякий мог его най-

⁶⁴ Записано в пос. Мраморское от Е. А. Пальцевой, 1895 г. рожд.

⁶⁵ Записано в пос. Косом Броду от Н. В. Зюеза, 1904 г. рожд.

⁶⁶ Записано С. Буравлевой, Т. Васюковой в пос. Мраморское от С. А. Темляковой, 1907 г. рожд.

⁶⁷ Записано в пос. Мраморское от М. И. Петровского, 1909 г. рожд.

⁶⁸ Записано в пос. Мраморское от В. Я. Комарова, 1904 г. рожд.

ти и проехать, как и не всякий мог попасть к царю. Так и называли это место Царскими воротами»⁶⁹.

Мы привели лишь некоторые, наиболее показательные записи, которые в дальнейшем должны войти в специальный сборник, включающий фольклорные материалы, собранные на родине П. П. Бажова.

В. П. КРУГЛЯШОВА, Б. М. ЕЛОВИКОВ
Уральский университет

О народном красноречии и его выразителе

Народное красноречие еще не получило достаточного освещения в трудах фольклористов, хотя было давно замечено передовой русской интеллигенцией.

В XVIII веке А. Кантемир на полях своих дневников записывал афористические народные выражения.

А. В. Суворов собирал пословицы и поговорки солдат. Его боевые приказы были насыщены афоризмами, в книге «Наука побеждать» много метких крылатых народных слов¹.

А. С. Пушкин говорил, что отличительная черта русского народа — «какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться»². А. С. Пушкин отмечал, что выразительность, ясность и точность — черты, присущие речи русского человека.

В. К. Кюхельбекер подметил: «Русский язык — богатый, мощный, звучный... Не знаю пословиц остроумнее русских; старинные французские хороши, а все не забавнее наших»³. Народное красноречие давно вошло в практику художественной литературы. К нему обращались Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Лесков, Горький, Шолохов, Бажов и др.

В теоретическом осмыслении народного красноречия немало сделал В. И. Даль⁴. Он показал, что живая народная речь есть речь образная, богатая пословицами и поговорками. Народное красное слово живет во всех, даже самых отдаленных уголках России. Даль систематизировал образное слово народа, взяв

⁶⁹ Записано Е. Анашкиной, С. Бурмасовой в пос. Полдневая от Н. А. Прокöpfeва, 1902 г. рожд.

¹ См.: Суворов А. В. Наука побеждать. Пермь, 1980.

² Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонтэ к переводу басен И. А. Крылова. — Полн. собр. соч. М. — Л., 1949, т. 7, с. 32.

³ Кюхельбекер В. К. Дневник. 1832, с. 59. — В кн.: Русские писатели о литературном труде. М., 1954, т. I, с. 96.

⁴ См.: Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957, с. 5—31.